

На правах рукописи

ЗИНЬЕВА Заида Залимхановна

**НОГАЙЦЫ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Махачкала - 2001

Уважаемому Сергию Монировичу на добрую память
Работа выполнена в отделе истории народов Карачаево-Черкессии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор В.Б. Виноградов

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор М.Ш. Шигабудинов

доктор исторических наук, Д.С. Кидирниязов

Ведущая организация:

Ставропольский государственный университет.

Защита диссертации состоится "28" декабря 2001 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.002.053.01 Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук по адресу: 367030, г.Махачкала, ул.М.Ярагского, 75.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Автореферат разослан "28" ноября 2001 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Иноземцева Е.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что история ногайского народа – это одно из “белых пятен” в историографии Северного Кавказа. Наименее изучена ногайская история применительно к региону Северо-Западного Прикаспия. Изучение истории ногайцев данного региона имеет важное научно-теоретическое и научно-практическое значение. Оно позволяет проследить закономерности формирования социально-экономических, политических, культурно-бытовых особенностей этно-политических образований ногайцев Северо-Западного Прикаспия в связи с распространением российского влияния в данном регионе. Кроме того, изучение истории ногайцев Северо-Западного Прикаспия позволяет проследить динамику трансформации внутренних и межэтнических структур одного из реликтовых кочевнических обществ Северного Кавказа, каковым в некоторых своих компонентах является ногайский этнос.

Особую актуальность настоящая тема приобретает в наши дни. Обусловлено это социально-политическими переменами в обществе: демократизацией, ростом национального самосознания, значительным усилением интереса народов к своему прошлому. В связи с этим имеет место пересмотр многих научных выводов, касающихся истории малочисленных народов России, к числу которых относятся и ногайцы. В этой ситуации чрезвычайно важно, чтобы пересмотр выводов и оценок не противоречил историческим фактам, среди которых одним из главных является факт прогрессивного влияния, оказанного на развитие ногайского общества Россией и русскими.

Историография. Историографию исследуемой проблемы можно разделить на три группы. В первую группу входят работы дореволюционного периода. Вторую - составляют исследования советского и третью - постсоветского периодов. Отметим, что в дореволюционной историографии редко ставился вопрос о целостном изучении исторического прошлого ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Дореволюционные работы, освещающие ногайскую проблематику, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы. К первой относятся собственно исторические работы. Это исследования П.Г.Буткова, Н.Ф.Дубровина, И.Попко, В.А.Потто.¹ В них нашли отражение некоторые частные вопросы политического развития кавказских ногайцев. Причем для названных авторов характерно оправдание политики

¹ Бутков И.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871 Т. 1. Кн. 1.; Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. СПб., 1880. Вып.1.; Потто В.А. Два века Терского казачества (1577 - 1801). Владикавказ, 1912.

царского правительства в отношении ногайцев региона, занижение уровня развития последних.

Вторую часть дореволюционных исследований составляют этнографические записки, обычно сопровождавшиеся историческим экскурсом и зачастую имеющие характер источников, которые, ввиду значительной консервативности быта ногайцев Северо-Западного Прикаспия, имеют ценность и для анализа хозяйственной жизни ногайцев более ранних эпох. Это относится к исследованиям А.М.Павлова, А.П.Берже, А.О.Рудановского, П.И.Головинского, Г.В.Бентковского, Г.Ф.Малявкина, Н.С.Семенова, Ф.И.Капельгородского².

В советский период изучению истории малочисленных народов уделялось, по сравнению с предшествующим временем, гораздо больше внимания. В 20-е годы продолжает исследования Ф.И. Капельгородский³. На основе богатого материала архива Караногайского приставства, а также в ходе длительного личного наблюдения за жизнью вверенных ему кочевников, Ф.И.Капельгородский собрал и проанализировал бесценные сведения по истории и этнографии ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Таким образом, анализ автором действительности не только ему современной, но и относящейся к историческому прошлому караногайцев, делают работу не только ценным источником, но и самостоятельным историческим исследованием.

В 30-е гг. появляются исследования по истории ногайцев А.-Х.Ш.Джанибекова и М.Г.Сафаргалиева⁴. А.-Х.Ш. Джанибеков, один из первых ногайских ученых, обладая хорошим знанием предмета, оставил массу интересных наблюдений и выводов, касающихся истории караногайцев. Но, к сожалению, его рукопись "Очерк по истории ногайцев", написанная в 1935 году, до сих пор не издана. М.Г. Сафаргалиев изучал вопросы военной истории, внешнеполитической деятельности Ногайской Орды, дал

² Павлов А.О. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842; Берже А.П. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. №№86-87, 89-91; Рудановский А.О. О ясырях // Санкт-петербургские ведомости. 1861. №235; Он же. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1862. №№ 37, 39; 1863. №№ 48-52; Он же. А.О. Заметки о Кизлярском уезде. Кавказ. 1864. №96; Головинский П.И. О кавказских ногайцах // Терские ведомости. 1871. №№6-7; Он же. Кумыкские ногаи // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. Отд. II. С.314-315; Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы: В 2-х ч. Ставрополь, 1883. Ч.1; Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3; Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895; Капельгородский Ф.И. Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. Вып.10.

³ Капельгородский Ф.И. Караногай. Страна кочевников и патриархального быта. Махачкала, 1928 // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.68.

⁴ Джанибеков А.-Х. Ш. Очерки по истории ногайцев. Махачкала, 1935 // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп. 1. Д.121; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в.: Дисс. ... канд.ист.наук М., 1938; Он же. Распад Золотой Орды. // Ученые записки Мордовского государственного университета. Саранск, 1960. Вып. II.

обстоятельную характеристику экономического развития ногайцев. Кроме того, в его трудах рассматривается проблема начального этапа формирования ногайского этноса в ходе выделения из Золотой Орды. Начиная с 1957 г. ряд исторических исследований опубликован Е.П.Алексеевой⁵. Данный автор осветил некоторые аспекты политической, социально-экономической истории и быта ногайцев Северного Кавказа. Для Е.П.Алексеевой характерен взвешенный подход в оценке характера взаимоотношений ногайцев с их соседями.

В 50-70-е гг. появляются работы В.П.Лысцова, Р.М.Магомедова, В.Г.Гаджиева, Ж.А.Ананян, освещающие значение «Персидского» похода Петра I в истории ногайцев.⁶ Учеными показана взаимосвязь этого похода с общими целями кавказской и ближневосточной политики петровской России, а также влияние «Персидского» похода на развитие русско-дагестанских отношений.

Ощутимый вклад в изучение ногайской истории был сделан Л.Н.Кужелевой⁷. Автор в своих работах дала широкую панораму исторического развития ногайцев. Ею были изучены и всесторонне проанализированы культура, хозяйство и быт ногайского этноса.

В этот же период в работах М.В.Фехнера, А.В.Фадеева, Е.Н.Кушевой начинает глубоко изучаться социально-экономический аспект проблемы присоединения ногайцев к России.⁸

⁵ Очерки по экономике и культуре народов Карачаево-Черкесии в XVI – XVII вв. Черкесск, 1957; Алексеева Е.П., Аджиев И.М. Ногайцы // Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографический очерк). Ставрополь, 1957; Алексеева Е.П. Становление феодальных отношений у народов Карачаево-Черкесии (XIV-XVII в.в.) Расселение. Ногайцы // Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ставрополь, 1967. Т.1. Гл. IV.; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

⁶ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723. М., 1951; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII- начале XIX вв. Махачкала, 1957; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Он же. Сочинение И. Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; Ананян Ж.А. Ближневосточная политика России и народы Закавказья в 20-х годах XVII века // Россия, Польша и Причерноморье в XV- начале XVIIIв. М., 1979.

⁷ Кужелева Л.Н. Ногайцы (этнографический очерк) // Народы Кавказа. М., 1960. Т.1. – С.391-402; Она же. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте ногайского народа: Дисс. канд. ист. наук Махачкала, 1966; Она же. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII - нач. XX в.в.) // УЗ ИИЯИЛ им. Г.Цадасы. Серия историческая. Махачкала, 1964. Т. XIII.

⁸ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды государственного исторического музея. М., 1956. Вып.31.; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИ НИИ. Грозный, 1961. Т. IY.

Становление и развитие экономических отношений между Россией и Юго-Восточными окраинами рассматривается в 70-е - 80-е гг. в работах С.А.Чекменева, Н.Г.Волковой, В.Б.Виноградова, А.И.Юхта, Н.П.Гриценко, Ш.Б.Ахмадова.⁹

Большую ценность представляют глубокие и многоаспектные исследования Б.-А.Б. Кочекаева.¹⁰ Данные работы восполняют многие пробелы в истории этнополитического и экономического развития ногайского общества, в связи с русской активностью на Кавказе. Автор рассматривает также вопрос о зарождении и развитии отношений между Российским государством и ногайскими политическими объединениями. Названные работы Б.-А.Б. Кочекаева особенно ценны тем, что написаны на основе обширной источниковой базы.

Очень важными в области этнографии, истории и культуры ногайцев представляются труды С.Ш. Гаджиевой. Исследователь проводит в своих работах мысль об обусловленности культуры и социальной организации ногайцев и их степняцким происхождением.¹¹

Вопросами изучения истории ногайцев занимаются ученые Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (до 1993 года КЧНИИ) этнологи - И.Х.Калмыков, Р.Х.Керейтов, фольклорист - А.И.-М.Сикалиев. В 1988 г. в Черкесске вышел в свет их коллективный труд "Ногайцы", имеющий комплексный историко-этнографический характер.¹² В книге авторы сумели осветить различные стороны жизни ногайцев, начиная с момента образования Ногайской Орды до современности. Тем не менее, данная работа лишь отчасти затрагивает вопросы, ставшие предметом нашего диссертационного исследования. Авторы названной работы также внесли большой вклад в развитие ногаеведения последних десятилетий.

⁹ Чекменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII - первой половине XIX в. // Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1970; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX в. М., 1974; Виноградов В.Б. Иностранцы XVI-XVIII веков о русско-северокавказских отношениях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; Юхта А.И. Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20 - 50-е годы XVII в.) // Исторические записки. М., 1980. Т.118; Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V - сер. XIX века. Ростов-на-Дону, 1984; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Грозный, 1981.

¹⁰ Кочекаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX-нач. XX. Алма-Ата, 1973; Он же. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

¹¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки (Историко-этнографическое исследование). М., 1961; Она же. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. М., 1976; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX-нач. XX. М., 1979.

¹² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.-И.М. Ногайцы. Черкесск, 1988.

Важное значение имеют обобщающие исследования, вышедшие с середины 50-х гг., по истории отдельных северокавказских и некоторых других республик. Анализируя данную литературу, нельзя не отметить коллективную монографию "История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в".¹³ Особое место в исследовании занимает изучение причин сближения северокавказских народов с Россией. При этом значительное место в работе уделено истории ногайцев, в том числе, ногайцев Северо-Западного Прикаспия.

В 80-е годы начинает изучаться проблематика взаимоотношений ногайцев с другими народами. В связи с этим весьма интересны исследования У.Э.Эрдниева, А.Х.Магометова, А.А.Шенникова.¹⁴ Названные авторы сумели дать всесторонний анализ многообразных форм взаимодействия ногайцев с калмыками, осетинами и казаками. В работе У.Э.Эрдниева показана роль российских властей в процессе трансформации ногайско-калмыцких отношений на протяжении XVII - XVIII вв.

Разнообразного характера фрагментарные сведения, полученные в результате анализа источников и представляющие определенное значение для исследования процессов в обществе ногайцев Северо-Западного Прикаспия, можно найти в статьях Ф.З.Феодаевой, А.А.Саламова, Е.Е.Поноженко, С.И.Брука, В.М.Кабузана, Я.З.Ахмадова, Г.-Р.А.Гусейнова, А.Н.Ямска.¹⁵

Третью группу исследований составляют работы историков постсоветского периода. Для современных ученых по-прежнему характерно при-

¹³ История Узбекской ССР. Ташкент, 1955. Т.1. Кн.1; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. История Дагестана. М., 1967. Т.1; Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1967. Т.1; История Кабарды. М., 1967; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: В 2-х т. Грозный, 1967. Т.1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

¹⁴ Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1980; Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX). Орджоникидзе, 1974; Шенников А.А. Червленый яр (исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв.). Л., 1987.

¹⁵ Феодаева Ф.З. Кизляр - экономический и административный центр России на Северном Кавказе в XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. Махачкала. 1980. С.82; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - начало XX в.) // ЧИНИИ. Известия. История. Грозный, 1963. Т.3. Вып.1; Поноженко Е.Е. Общественный строй ногайцев в XV - середине XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1977. № 4. С.92-96; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719-1917г.г.) // Советская этнография. 1980. №6. С.25; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Грозный, 1981. С.57-69; Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией (к характеристике русско-чеченских языковых контактов дооктябрьского периода) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI- начале XX в. Грозный, 1981. С.113-124; Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа. // Советская этнография. 1986. №5. С.22-34.

стальное внимание к проблемам социально-экономической истории. В то же время все большее значение приобретает тематика социальной и культурной истории. Наряду с формационным подходом все большее значение приобретает цивилизационный.

На современном этапе такой комплексный вопрос, как «Персидский» поход Петра I и в целом политика России на Кавказе в первой четверти XVIII в., исследуется в статье М.Р. Гасанова, а также в кандидатской диссертации Н.В. Барышниковой «Кавказская политика Петра I».¹⁶

Работа Н.А. Сотавова¹⁷ также имеет важное значение для изучения истории «Персидского» похода. Автор рассмотрел характер противоборства трех держав (России, Ирана, Турции) на Северном Кавказе, осветил стратегические цели руководящих кругов этих государств.

Среди исследований дагестанских ученых постсоветского времени заметно выделяются работы Э.Г. Джахиевой, А.С. Акбиева.¹⁸ Изыскания этих авторов позволяют взглянуть на историю ногайцев Северо-Западного Прикаспия в контексте истории других народов Северного Кавказа, в частности, кумыков, в связи с политической активностью России или таких образований, как, например, Тарковское шамхальство.

В 1991 г. в с. Терекли-Мектеб состоялась конференция, посвященная 600-летию эпоса «Эдиге».¹⁹ Среди докладов особый интерес в плане темы нашего исследования представляют сообщения В.Л. Егорова, С.Г. Агаджанова, Д.С. Кидирниязова, М.-С.К. Умаханова и Б.Г. Алиева, Е.И. Иноземцевой, З.А. Оразмамбетовой. В исследованиях нашел отражение тот значительный шаг в развитии ногаеведения, который с начала 90-х гг. стал возможным в силу отхода ученых от крайностей формационного подхода.

Таким образом, исследование ногайской истории в настоящее время развивается благодаря усилиям ученых Северного Кавказа. При этом усиливается внимание к общетеоретическим вопросам. Например, ставрополь-

ский исследователь И.В. Нахаева в своей кандидатской диссертации рассматривает специфику социальной иерархии в кочевых обществах.²⁰

За период с 1991 г. в ВАКе России утверждены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук ногайских историков: А.А. Ялбулганова, А.А. Ярлыкапова, М.Б. Гимбатовой.²¹ В этой же среде наблюдается рост интереса к общетеоретическим вопросам истории номадов Северного Кавказа. Работы А.А. Ялбулганова стали важным явлением в ногайской историографии.²² Методологические приемы цивилизационного подхода делают исследования данного автора новым словом в науке об историческом прошлом ногайского народа и, шире, - номадов Евразии.

В 2001 г. была защищена докторская диссертация известного ногайского исследователя Д.С. Кидирниязова.²³ Работа является большим вкладом в изучение взаимоотношений ногайцев с соседними народами. Ценным представляется вывод автора о прогрессивной роли России в ногайской истории.

Важным событием в жизни ногайской и в целом российской обществуности был выход журнала «Половецкая луна». Наиболее заметными статьями, которые были помещены на страницах «Половецкой луны», стали работы историков и этнологов: В.Б. Виноградова, И.В. Дрона, В.А. Бушакова, Е.А. Поноженко, А.М. Асанова, Р.Х. Керейтова, А.Х. Курмансеитовой, Д.С. Кидирниязова и др.²⁴ Данные исследования представляют собой удачное сочетание глубокого научного анализа и популярного изложения.

²⁰ Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX - начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000.

²¹ Ялбулганов А.А. Ногайцы Северного Кавказа в XVIII - XIX в. (проблемы социально-экономического строя): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995; Гимбатова М.Б. Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев в XX веке (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.

²² Ялбулганов А.А. Некоторые вопросы исторической демографии ногайского народа // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 600-летию эпоса «Эдиге». Терекли-Мектеб. 15-17 ноября 1991г. Махачкала, 1993. С.34-36; Он же. К истории русско-ногайских отношений в XVIII в. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: III Международная научная конференция 29 мая - 4 июня 1995: Тезисы докладов. Челябинск, 1995. Ч.1; Он же. Некоторые аспекты российско-туркских контактов на юге Восточной Европы в XVIII в. (Россия и ногайцы) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. М., 1995. С.116-119; Ялбулганов А.А. Очерки военной истории ногайцев. М., 1999.

²³ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. (политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2001.

²⁴ См.: Половецкая луна. 1991-1993 гг.

¹⁶ Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I - важный этап в истории российско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1995. №2-3; Барышников Н.В. Кавказская политика Петра I: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук Махачкала, 1999.

¹⁷ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774. М., 1991.

¹⁸ Джахиева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII - нач. XIX (1774-1826 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук Махачкала, 1998; Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVIII-XVIII вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук Махачкала, 2000.

¹⁹ Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 600-летию эпоса «Эдиге». Терекли-Мектеб. 15-17 ноября 1991г. Махачкала, 1993; Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды: Тезисы докладов. М.-Терекли-Мектеб. 1991.

Оригинальную гипотезу о периодическом возврате ногайцев от классового общества к вождеству высказывает в своих работах В.В.Трепавлов.²⁵

Важным фактором развития науки в данный период становится усиление организационной базы кавказоведения. Необходимо отметить становление научной школы профессора В.Б.Виноградова. Её представителями сделан большой вклад в освещение вопросов ногайской истории, прежде всего о взаимоотношениях ногайцев с их соседями.²⁶ Важным является вывод исследователей о позитивной роли России в ногайской истории.

Для реконструкции процессов и явлений, присущих социальной организации номадов Евразии, немалое значение имеет исследовательский опыт М.О.Косвена, С.М.Маркова, С.М.Абрамзона.²⁷ Их концептуальные построения выявляют социально-политическую сущность кочевнического общества.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение основных особенностей исторического развития ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. в связи с активностью России на Кавказе в указанный период. В соответствии с целью ставятся задачи:

— рассмотреть динамику этно-политических процессов в ногайском обществе до XVIII в., а также исследовать ногайско-калмыцкие отношения как примеры сосуществования степных обществ и изучить роль и место ногайских общностей в системе этносоциальных и этнополитических отношений в Тарковском шамхальстве, установить на данном примере наиболее оптимальные формы сосуществования кочевой и оседлой цивилизаций;

— проанализировать значение «Персидского» похода Петра I для судеб ногайцев Северо-Западного Прикаспия, исследовать результаты дан-

ного похода на примере аксаевско-сулакских и кизлярских ногайцев, тесно контактировавших с русской администрацией, утвердившейся в регионе после «Персидского» похода Петра I;

— рассмотреть вопрос о роли в хозяйстве ногайцев скотоводства как традиционной базовой отрасли этноса, а также определить место земледелия в данном хозяйстве, учитывая изменение геополитической ситуации в Северо-Западном Прикаспии в первой половине XVIII в., и определить значение в хозяйстве ногайцев охоты и рыболовства, в связи с постепенной товаризацией данной отрасли;

— исследовать изменения характера домашних промыслов под влиянием процессов освоения ногайцами рыночных отношений, очертить круг задач, которые позволяла решать ногайцам Северо-Западного Прикаспия торговля в условиях господства у них натурального хозяйства и определить пути трансформации рабовладения и работорговли в ногайской среде, учитывая укрепление в регионе российского влияния, с одной стороны, задачами развития товарообмена, с другой стороны.

Объект исследования. Объектом нашего исследования являются особенности развития ногайского общества Северо-Западного Прикаспия в связи с постепенным вхождением их этно-политических образований в состав многонационального Российского государства.

Предмет исследования. Предметом исследования являются действия представителей ногайских этно-политических общностей и российских властей в контексте экономических процессов, обеспечивавшие в первой половине XVIII в. превращение ногайских общностей Северо-Западного Прикаспия в органическую составную часть этно-политической структуры Российской империи.

Хронологические и географические рамки. Хронологически работа охватывает период с начала XVIII в., когда ввиду активизации политики России в регионе ускоряется формирование ногайского населения Северо-Западного Прикаспия, и до середины XVIII в., т. е. до того времени, с которого Россия укрепляется на Кавказе в целом. Именно в этот исторический промежуток закрепляются основные тенденции экономического и этнополитического развития региона и определяются пути сближения ногайского общества и Российского государства.

Географические рамки настоящего исследования подразумевают, в основном, северную часть современного Северного Дагестана (Ногайская степь) и сопредельные территории, на которых разворачивались события, оказавшие существенное влияние на историческое развитие ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Это преимущественно современные районы Дагестана: Ногайский, Тарумовский, Кизлярский, Бабаюртовский, Хасавюртовский.

²⁵ Трепавлов В.В. Ногайская государственность: Особенности генезиса, функционирования и кризиса // Проблемы взаимодействия национальных культур (Межэтнические общности в полиэтничном регионе): Тезисы докладов региональной научной конференции. Астрахань, 1991. Ч. 1. С.36-38; Он же. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности: Международный симпозиум / Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 1995. С.199-200.

²⁶ Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Книга регионоведческих очерков. Армавир, 1995; Он же. Уголок России, отчий дом (очерки об истории Тарумовских степей). Армавир – Кизляр, 1998; Виноградов В.Б. Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На терских берегах Армавир, 1997; Алиева С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа в исторических процессах XVIII – XX вв.: Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Краснодар, 2000.

²⁷ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив. 1958. №5; Марков С.М. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. 1970. № 6; Абрамзон С.М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // Советская этнография. 1970. № 6.

Методологические основы работы. Методологическую основу работы составили принципы историзма, научности, объективности. Частные исторические явления здесь рассматриваются через идеологически непривзятый анализ источников и в контексте общен исторического процесса. Большое значение имеют в настоящей работе также методы системного подхода, ретроспекции и экстраполяции. Использование метода ретроспекции обусловлено предположением об устойчивом характере социокультурной организации ногайцев на протяжении значительного периода и, следовательно, возможностью переноса явлений, имевших место в ногайском обществе в более ранний или более поздний период. Метод экстраполяции используется в связи с тем, что отдельные группы - составные части ногайского населения Северо-Западного Прикаспия неоднократно в указанный период перемещались в регион и обратно. Следовательно, возникает необходимость рассматривать их специфику относительно того времени, когда они находились за пределами Северо-Западного Прикаспия.

В данном исследовании также предпринимается апробация подходов школы профессора В.Б.Виноградова. Главный принцип этой школы определяется как "российскость" в изучении истории нашего многонационального Отечества. Данный принцип предполагает обусловленность всей парадигмы истории России ее многонациональностью. Отсюда - специальное рассмотрение в данном диссертационном исследовании отношений ногайцев с представителями российской власти и соседними народами.

При анализе исторического развития групп ногайского населения, как составной части цивилизации кочевников степной части Евразии, необходимым является применение цивилизационного подхода, ориентированного на рассмотрение типичных социокультурных особенностей этноса. В то же время и понятия формационного подхода с их специфическим смысловым наполнением являются адекватными заявленной теме.

Источниковая база. Данное исследование опирается как на опубликованные, так и на вновь вводимые в научный оборот архивные материалы. В работе использовались материалы фондов трех архивов: Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Из документов ГАРД были в первую очередь привлечены документы фонда 379 (Архив кизлярского коменданта). Из документов фондов ГАСКа были использованы следующие фонды: ф. 249 (Управление кочующих народов); ф. 408 (Пристав тухменского народа).

Весьма ценный источниковый материал хранится в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Наряду с документами местного происхождения здесь имеются заверенные копии и фотокопии архивных документов, выявленных в свое

время Е.Н.Кушевой, В.Г.Гаджиевым, Р.С.Шихсаидовой и др. в центральных архивохранилищах России.

Среди опубликованных документов для нас особое значение имеют источники, помещенные в сборники документов о взаимоотношениях различных кавказских народов с Россией, а также сборник документальных материалов, составленный Д.С.Кидирниязовым и посвященный ногайцам Дагестана и Северного Кавказа в XVII - XVIII вв.²⁸

Наконец, ценные данные по теме настоящего исследования содержатся в записках русских, западноевропейских и восточных путешественников, представителей кавказской, военной и гражданской администрации, написанных как на основе архивных материалов, зачастую до нас не дошедших, так и личных наблюдений.²⁹ Часть авторов дает общую картину исторического развития ногайского общества. Путешественники описали, главным образом, современную им обстановку, что представляет ценность для исследования предпосылок этно-политической и экономической ситуации в ногайских степях на начало XVIII в. Однако в этих сведениях много неточностей. Информация зачастую тенденциозна, чья объективность страдает от стремления авторов поразить воображение европейского читателя. Исключением, пожалуй, является лишь "Хождение" русского купца Ф.Котова. Сочинения названных авторов содержат много ценного материала по политической истории и этнографии ногайцев XVI - XVII в.в., хотя при этом ногайцам именно Северо-Западного Прикаспия места специально не уделено. Мы можем лишь экстраполировать информацию на другие группы ногайцев, имея в виду факт их миграции и включения в дальнейшем в процесс формирования ногайского населения Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в.

Другая группа авторов интересна тем, что представляет сведения, непосредственно относящиеся к региону Северо-Западного Прикаспия, причем данные относятся именно к первой половине XVIII в. Это такие путе-

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830.Т. 4; Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869; Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Орджоникидзе, 1933. Т.1; Кабардино-русские отношения XVI-XVIII в.в. М., 1957.Т.П.; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958; Письма и бумаги Петра Великого. М., 1962. Т.11. Вып.1.; Шихсаидова Р.С. Русско-ногайские отношения в XVIII в.: Сборник документов и материалов (выявление и археографическая обработка). Махачкала, 1986.// Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3, Оп.1. Д.464; Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (Документы XVII-XVIII в.в.) / Сост. Д.С.Кидирниязов. Махачкала, 1998.

²⁹ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906; Котов Ф.А. Хождение на Восток // Известия отделения русского языка и словесности Академии науки. СПб., 1908. Т.ХII.; Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935; История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX в.в. М., 1958; Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

шественники и администраторы, как Д.Белл, И. Гербер, И.Лерх.³⁰ В сообщениях данных авторов отражены результаты непосредственных наблюдений. Все они состояли на русской службе, и их свидетельства носят вполне официальный характер, и имеют большую степень достоверности. В этих сообщениях имеется много информации по быту ногайцев, географии их расселения, этно-политических отношениях.

К последней группе авторов, писавших о ногайцах Северо-Западного Прикаспия относятся И.Георги, И.Гюльденштедт, Д.Тихонов и некоторые другие.³¹ Хотя их сведения относятся ко второй половине XVIII в., эти сообщения ценны для изучения быта и хозяйственных занятий ногайцев.

В настоящей работе привлекались также статистические и этнографические материалы, собранные в XIX – начале XX в.³² Однако их данные имеют ограниченное значение для анализа явлений, характерных для первой половины XVIII в.

Научная новизна диссертации. Впервые в кавказоведении предпринята попытка исследовать неизученные ранее аспекты этно-политической и экономической истории групп ногайского населения, откочевавших после распада Ногайской Орды в XVI в. и постепенно расселившихся к середине XVIII в. Северо-Западном Прикаспии в низовьях рек Терек и Сулак. При этом большое значение имеет обнаружение взаимосвязи процессов, протекавших в ногайском обществе и у соседей ногайцев, с которыми рассматриваемый этнос был тесно связан экономически, политически, исторически. Новизна данного диссертационного исследования также обусловлена предпринятой здесь попыткой установления исторических форм сосуществования кочевой и оседлой цивилизаций.

³⁰ Белл Д. Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли, а именно: В Испанию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. // Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Махачкала, 1999; Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г. // ИГЭД. М., 1958; Лерх И.Я. Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. // Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Махачкала, 1999.

³¹ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. О народах татарского племени. СПб., 1799. Т.II; Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из "Путешествия г-на Академика И.А.Гюльденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71,72 и 73 гг." СПб., 1809; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. // ИГЭД. М., 1958; История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958.

³² Равинский Н.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т.1, 2.; Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1908. Т.II; Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. №12. Ч. 24.

Практическая значимость диссертации. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке теоретических проблем, связанных с изучением истории тюркоязычных народов. Исследование может найти применение при создании обобщающих трудов по этно-политической истории Северного Кавказа, разработке лекционных курсов в вузах, школах, написании учебников и методических пособий.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела истории народов Карачаево-Черкесии и Ученого совета Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

Основные положения, содержание и выводы диссертации опубликованы автором в научных статьях и докладывались на разного уровня научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 8 научных работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, использованных источников и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение. Во введении обосновывается актуальность, рассматривается историография проблемы, формулируются цель и задачи, определяются хронологические и географические рамки, объект и предмет исследования, дается характеристика источниковой базы, методология исследования, показана его научная новизна.

Первая глава диссертации – *“Этно-политическое развитие ногайцев Северо-Западного Прикаспия”*. Она посвящена анализу особенностей этно-политического развития ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. Глава состоит из шести параграфов.

Первый параграф – *“Динамика этно-политических процессов в ногайском обществе до XVIII в.”*, в котором исследуются, в связи с этногенезом ногайцев, пути формирования специфической социально-политической ситуации, которая складывалась в результате эволюции Ногайской Орды. Обращается внимание на то, что ногайская народность не может восходить непосредственно к одной какой-то народности или союзу племен, проживавших на данных территориях в более раннюю эпоху. Рассматриваются причины постепенной утраты ногайцами политического суверенитета. Анализируются особенности социально-политической структуры ногайского общества. Замечено, что внутренняя социально-политическая структура ногайских обществ к началу XVIII в. имела, в целом, феодальный характер, хотя и с тенденцией возврата к военной демократии. Основой данной (феодальной) системы общественных отношений здесь, как и у оседлых народов, служила феодальная собственность на землю.

При этом доказывается, что мы можем говорить о ногайцах Северо-Западного Прикаспия как представителях специфической цивилизации кочевых тюрок Евразии. Чрезвычайная специализированность их кочевого хозяйства предопределяла заинтересованность в регулярном обмене с развитыми оседлыми народами.

Таким образом, степная цивилизация ногайцев изначально была предрасположена к системному слиянию черт кочевнической и кавказской культур. И главным достижением этой цивилизации к XVIII в. было освоение ею способов существования в степи, в том числе путем консервации социальной организации, и путей сосуществования с соседними земледельческими народами.

Второй параграф — “Ногайско-калмыцкие отношения”. Здесь отмечается: первоначальное участие ногайцев в противодействии русскому продвижению на Кавказ означало противодействие невыгодным условиям торговли с оседлой периферией. Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что сложившаяся в эпоху походов на Московское царство военная элита ногайцев с неизбежностью должна была сохранить устоявшуюся степняцкую военно-феодальную (“набеговую”) традицию социально-политического бытия. Противостоять такой структуре могли лишь подобные же структуры, но с еще более выраженными характерными особенностями военной элиты кочевого этноса. Такой силой в руках России оказались калмыки. Калмыцкие ханы выступали как бы продолжателями традиции эпохи империи Чингизидов. Эксплуатация ногайцев калмыцкими ханами имела иногда довольно показательные для феодального общества проявления. Так, ногайцы участвовали в обеспечении договорных обязательств калмыков по отношению к России. Однако кроме “официальной эксплуатации” ногайцев со стороны калмыцких феодалов имел место и неофициальный произвол со стороны той части калмыков, которая, не находясь в непосредственном подчинении своих ханов, промышляла разбоем, пользуясь ослаблением, вызванным зависимостью ногайских обществ.

Не вполне ясны детали вассально-ленных отношений, подчинявших ногайский улус ханской власти. Зависимость в социально-экономической сфере имела достаточно конкретное архаическое выражение в виде практики сбора натурального оброка, подобного тому, который собирался и с калмыцкого населения. Подчинение одному из сыновей калмыцкого хана, как правило, наследнику престола, определяло достаточно высокое положение ногайской знати в иерархической лестнице ханства. Одним из факторов, содействовавших возрастанию роли ногайских мурз в ханстве, являлись их матримониальные связи с калмыцкой верхушкой. Тем не менее, ногайцы всякий раз пользовались моментом, чтобы освободиться от власти калмыцких феодалов. Ханство, будучи поначалу используемо царским правительством для сдерживания ногайцев, по мере мирного вовлечения но-

гайских обществ в социально-экономическую жизнь России превращалось в фактор, стеснявший ногайцев уже не как соперников, а союзников и подданных России. Естественным поэтому было усиление к середине XVIII в. поддержки Санкт-Петербургом эмансипации ногайцев от калмыцких феодалов.

Третий параграф - “Ногайцы в системе этнополитических отношений Тарковского шамхальства”. Как известно, несколько кочующих орд ногайцев расселились в Кумыкии и находились в вассальной зависимости от кумыцких феодалов. Ногайские общества, находившиеся под непосредственной властью шамхала, несли феодальные повинности. Документы свидетельствуют о стремлении кумыцких владетелей ограничить свободные перекочевки ногайцев, а также не допустить выхода наиболее бесправных ногайцев из зависимого состояния. В этом случае необходимо отметить, что с XVIII в. Тарковское шамхальство наряду с Кабардой и Грузией становится опорной силой для России в ее политике на Кавказе. Соответственно, сам факт пребывания ногайцев в составе шамхальства означал включение их в систему антииранских и антитурецких мер царского правительства.

Управление владениями Засулакской Кумыкии - Эндиреевским, Аксаевским и Костековским бийликствами осуществляли князья (бии). В политическом отношении в структуру бийликств, помимо кумыков, входили и ногайские общества. Россия, однако, со временем стала объективно создавать препятствия на пути стихийного вовлечения ногайцев в феодальную зависимость от кумыцких феодалов. В этом видится стремление царского правительства сохранить на Кавказе ту традиционную этнополитическую ситуацию, которая здесь успела уже сложиться.

В четвертом параграфе - “Взаимоотношения ногайцев Северо-Западного Прикаспия с другими народами Северного Кавказа” говорится о том, что большое значение для оценки общего характера этнополитического положения, в котором находились ногайцы в первой половине XVIII в., имеет анализ взаимоотношений ногайцев с их соседями, имевшими менее сложную политическую организацию, нежели Калмыцкое ханство или Тарковское шамхальство. В первую очередь это относится к туркменам, осетинам, вайнахам, а также к терским (гребенским) казакам. Взаимоотношения с туркменами для ногайцев не могли не быть значимыми уже в силу родства этих двух народов. Вместе с тем отношения между ногайцами и туркменами должны характеризовались известной противоречивостью ввиду особенностей сосуществования туркмен и ногайцев в прошлом в рамках одного государственного образования - Ногайской Орды, в котором ногайские феодалы составляли господствующий слой.

Еще более противоречивые взаимоотношения складывались у ногайцев и осетин. В соприкосновение с последними ногайцы пришли не ранее

второй половины XVI в., когда Малые Ногаи откочевали в Предкавказье. Песни и сказания осетин свидетельствуют, что они постоянно сталкивались в прошлом с ногайцами, совершавшими набеги на осетинские села. Данные ономастики подтверждают пребывание ногайцев в Осетии и непосредственной близости от нее. Проникновение ногайских слов в осетинскую лексику говорит об интенсивном культурном обмене.

Взаимоотношения ногайцев Северо-Западного Прикаспия с чеченцами и ингушами отражены в вайнахском устном народном творчестве и, прежде всего в эпосе, где подчеркивалось наличие уважительных отношений между соседними народами, в том числе, и с ногайцами.

Особое место в системе взаимоотношений ногайцев Северо-Западного Прикаспия с соседними народами занимают отношения ногайцев и казаков. Оставаясь в течение двух столетий в абсолютном меньшинстве среди кавказских народов, в том числе ногайцев, терские казаки не могли не налаживать с ними добрососедских отношений. Почти все казаки говорили на "татарском" (ногайском, кумыкском) языке, заимствовали у своих соседей формы быта, некоторые трудовые навыки, нередко находились с ними в родственных связях. Достаточно развитая система куначества, а в некоторых случаях и аталычества, обеспечивала вполне прочную связь ногайцев с казаками.

С течением времени казаки играют все более активную организующую роль в отношении ногайцев: управленческо-организаторские действия казаков применительно к ногайцам производились совместно с калмыками. Тенденция использования казаков в качестве полицейской силы постепенно укреплялась. Источники, сообщающие, в частности, о поимке беглых ногайцев, обычно упоминают именно казаков.

Военные действия между ногайцами и казаками до середины XVIII в. носили лишь эпизодический характер. Показательно, что и в более позднее время, как гласят документы 20-х г.г. XIX в., отношения ногайцев с терскими казаками были более или менее дружескими. Конфликты, если и имели место, носили бытового характера.

Несмотря на наличие столкновений с соседними народами, в первой половине XVIII в. ногайцы установили дружеские отношения с большинством из них.

В пятом параграфе - "Персидский" поход Петра I в исторических судьбах ногайцев Северо-Западного Прикаспия" отмечается, что к началу XVIII в. на Северном Кавказе, в связи с агрессивными планами Турции в отношении кавказских владений ослабевшего Ирана, создалась сложная обстановка, которая определялась тем, что Кавказ стал играть значительную роль в системе международных отношений. В этой сложной политической обстановке сближение народов Кавказа с Россией стало необходимо-

«Персидский» поход был предпринят Петром I летом 1722 г. По приказу Петра I была заложена крепость Святой крест, в которой помимо донских и терских казаков, кабардинцев и других горских народов также поселились ногайцы. Последних, благодаря этой крепости, Россия могла держать под своим контролем.

Во время «Персидского» похода Петр I принимал делегации от проживавших на Северо-Восточном Кавказе народов. Караногайцы не преминули воспользоваться движением русской армии во главе с самим царем через Прикаспийские степи. Представители караногайцев были приняты Петром I. Во время аудиенции ногайцы предложили государю свои услуги в доставке провианта. Царь объявил о принятии караногайцев под свое покровительство. Он официально закрепил за караногайцами степь от Терека до Кумы. Петром I было дано распоряжение освободить ногайцев от подчинения калмыцким ханам.

К Петру I явились также владельцы костековский, аксаевский и шамхал тарковский. Таким образом, ногайцы, находившиеся в зависимости от этих феодалов, становились подданными Российской империи.

По отношению к ногайцам Засулакской Кумыкии Петр I издал специальный указ, освободивший их от уплаты податей тарковскому шамхалу, эндиреевским и аксаевским владельцам. Но ногайцы не были освобождены от податей в российскую казну. «Персидский» поход Петра I оставил заметный след в истории ногайцев Северо-Западного Прикаспия.

Последний, шестой, параграф первой главы - "Кизлярские и аксайско-сулакские ногайцы в сфере влияния России к середине XVIII в." Здесь отмечается, что в первой половине XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе оформлялись две группы ногайцев: терская (кизлярская) и аксаевско-сулакская.

Часть ногайских обществ, проживавших в районе крепости Терки, перешла после возведения крепости Святой крест на новое место к реке Сулак. В 1735 г. генерал Левашов перевел их к Кизляру. Предположительно, имели место и другие переселения.

О характере и механизме удержания кизлярских ногайцев под контролем русских властей, в первой половине XVIII в. почти не вмешивавшихся в их внутренние дела, позволяют судить документы об аманатных отношениях ногайцев с царской администрацией.

Мероприятия царского правительства были причиной значительных перемен в социально-политической организации ногайцев Северо-Западного Прикаспия. В частности, ускорилось формирование кизлярской группы ногайцев. История кизлярских ногайцев дает достаточно примеров того, как этих ногайцев "уводили" турки, крымцы, "закубанцы". Лишь благодаря упрочению в регионе позиций России возникает тенденция превращения кизлярских ногайских обществ в относительно стабильную группу

населения. По причине в целом мирного характера взаимоотношений с соседними народами эта группа являлась одной из политических и экономических опор российского присутствия в Северо-Западном Прикаспии.

И. Гербер пишет о двух группах аксаевско-сулакских ногайцев. Одна из них находилась около реки Аксай, образуя несколько аулов. Эта группа состояла в российском подданстве с 1722 г. (до этого – под властью иранских шахов). Отношения аксаевского владельца с царскими властями строились на основе обязательства платить “налог кровью”. Представителем “русского государя” для аксаевского владельца был комендант Терской крепости.

Другая группа аксаевско-сулакских ногайцев, упоминаемых И. Гербером, находилась ближе к реке Сулак “где добрые луга”. Эти ногайцы после подчинения шамхала тарковского коменданту крепости Святой Крест перешли из-под власти шамхала в непосредственное подчинение коменданта этой крепости. Из сообщения Гербера можно заключить, что эти ногайцы не обязывались нести военную службу, но зато платили натуральную подать в крепость, обеспечивая гарнизон продовольствием.

О социально-политической организации аксаевско-сулакских ногайцев известно, что она была в целом идентичной организации кизлярских ногайцев: во главе их стояли мурзы. Однако до упрочения русского влияния в регионе власть мурз у аксаевско-сулакских ногайцев ограничивалась и не нормировалась шамхалом тарковским. С утверждением же в регионе позиций России гарантом социальной стабильности, а значит - сохранения позиций местных феодалов, становятся царские власти.

Условием сохранения Россией существующего строя в интересах местных феодалов было неукоснительное соблюдение последними традиционных правил гарантирования верности сюзерену, в частности соблюдения обычая давать ему аманатов. Нарушение договорных обязательств влекло за собой репрессивные действия со стороны царской администрации.

Таким образом, процесс формирования группы “восточных ногайцев” – кизлярских и аксаевско-сулакских – продолжался на протяжении всей первой половины XVIII в.

В конце первой главы делаются выводы, в которых отмечается, что политическое развитие ногайцев Северо-Западного Кавказа в первой половине XVIII в. было предопределено всем ходом исторического развития ногайского этноса в период средних веков. Одной из существеннейших особенностей ногайской истории было раннее установление цивилизационных связей с кавказскими народами. Оставаясь степняками, ногайцы, тем не менее, приобретают особенности кавказского народа.

Вторая глава диссертации – *“Экономическое развитие ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в.”*, в которой исследуются динамика и факторы социально-экономического развития групп

ногайского населения Северо-Западного Прикаспия. Глава состоит из шести параграфов.

Первый параграф указанной главы – “Скотоводство”. В параграфе показана доминирующая роль скотоводства в хозяйстве ногайцев данного региона. Природно-климатические условия определили хозяйственно-культурный тип, который преобладал у ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Большие пространства, относительно мягкий по сравнению с более удаленными от моря районами климат и, как следствие, - возможность содержать скот почти круглый год на подножном корму, наконец, меньшие затраты на единицу площади по сравнению с земледелием – все это создавало довольно благоприятные условия для ведения скотоводческого хозяйства в Северо-Западном Прикаспии, в частности, в степной его зоне. Означенные природно-климатические условия способствовали закреплению традиций экстенсивного скотоводческого хозяйства. Данный его характер проявлялся в том, что определялся лишь порядок кочевания, его направления, сроки, порядок размещения на пастбищах.

Номадное скотоводство ногайцев Северо-Западного Прикаспия относилось к перегонному типу с круглогодичным содержанием на подножном корму. Это было его отличительной чертой. Система традиционного скотоводческого хозяйства ногайцев Северо-Западного Прикаспия базировалась на сочетании различных отраслей животноводства. Особое место в нем принадлежало коневодству. Оно являлось товарной отраслью. Несомненно, что коневодство в жизни ногайского общества играло также важную социальную роль.

Для ногайцев XVIII в. основной отраслью животноводства было овцеводство. Благоприятные природно-климатические условия: обилие пастбищ, непродолжительная и малоснежная зима – особенно были важны для овцеводства. Много общего с овцеводством было в верблюдоводстве, также имевшем экстенсивный характер. В хозяйственной жизни ногайцев важную роль играл и крупный рогатый скот, без которого они не могли существовать.

Таким образом, можно говорить о господстве у ногайцев Северо-Западного Прикаспия многоотраслевого кочевого скотоводства, обусловленного особенностями природно-географической среды. Занятие кочевым и полукочевым скотоводством обеспечивало сохранение у ногайцев феодальных отношений, характерных для общества обитателей степей Евразии в докапиталистический период. Переход к стационарным формам ведения животноводческого хозяйства влек за собой изменения в социальной организации общества. Одновременно должен был меняться характер отношений с соседними народами.

Второй параграф – “Земледелие”. Здесь анализируется то обстоятельство, что земледелие у ногайцев Северо-Западного Прикаспия играло лишь

вспомогательную роль. Несомненно, важнейшей причиной, по которой у ногайцев появляется земледелие, было изменение характера обмена с земледельческой периферией. То, что раньше степняки получали в виде военной добычи или дани с земледельческих народов, теперь должны были получать в результате налаживания у себя соответствующего производства. Естественно, что уровень земледелия при этом долгое время оставался низким: необходимо было формирование в ногайском обществе определенных традиций соответствующего производства. Другой сдерживающей причиной были не всегда благоприятные для земледелия условия степи. Здесь земледелие долгое время могло быть лишь дополнительным средством к существованию.

Земледелие культивировалось, главным образом, у аксаевско-сулакской группы ногайцев. Этому способствовали более благоприятные особенности природно-географической среды, в которой она проживала, в отличие от условий проживания других ногайских обществ.

Первоначально земледелие было коллективным, как и у многих ранних земледельческих народов, в том числе переходивших от кочевого животноводческого хозяйства к оседлому земледельческому. В XVIII в. земледелие у кавказских ногайцев достигает уже достаточно заметных масштабов, хотя уступает по развитию земледелию соседних народов. Об этом свидетельствует, например, слабое развитие половозрастного разделения труда в сельском хозяйстве у ногайцев.

Основной земледельческой культурой у ногайцев было неприхотливое и засухоустойчивое просо. Оно засеивалось на небольших участках земли, расположенных преимущественно недалеко от зимовий и убиралось при возвращении на эти зимовья. Выращивались также ячмень, пшеница и другие зерновые культуры.

Третий параграф - "Рыболовство и охота". В параграфе показана вспомогательная роль данных хозяйственных занятий ногайцев региона. Отмечается, что предки ногайцев издавна занимались рыболовством.

Имела место и продажа ногайцами своей рабочей силы. Наемный труд ногайцев широко использовался на рыбных промыслах. Это позволяет предположить, что квалификация ногайских рыболовов была достаточно высокой. Основную массу рыбаков составляли "сухопайщики", работавшие "из пая", заключавшегося в части улова. Эта ситуация была обусловлена тем, что предметы лова находились в руках у того, к кому довец-бедняк шел с "сухим паем". В основном "сухопайщики" работали у русских арендаторов.

К древнейшим занятиям ногайцев Северо-Западного Прикаспия следует отнести охоту, особенно с помощью ловчих птиц.

Можно заключить, что охота и рыболовство для ногайцев имели немаловажное значение. Данными промыслами обеспечивалась необходимая

устойчивость продуктовой базы общества ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Иначе говоря, если считать, что естественным дополнением к существовавшим отраслям скотоводства и земледелия в традиционном обществе являются охота и рыболовство, то указанное обстоятельство справедливо и для ногайцев Северо-Западного Прикаспия.

Четвертый параграф - "Домашние промыслы". Здесь исследуются закономерности функционирования данной отрасли в условиях традиционного хозяйства ногайцев. Общий вывод, который делается в параграфе относительно роли домашних промыслов в жизни ногайцев Северо-Западного Прикаспия, состоит в признании их определяющего значения для поддержания собственной материальной культуры. В условиях преимущественно натурального хозяйства было очень важно сократить до минимума зависимость от окружающих народов в продуктах ремесла. С другой стороны, специфичность быта кочевников и полукочевников предопределяла своеобразие их материальной культуры. В этих условиях трудно было рассчитывать на приобретение всех необходимых предметов быта у народов, ведущих иной образ жизни. Ногайцы были принуждены самой спецификой своего степного бытия обеспечивать себя многими необходимыми продуктами ремесленного производства. Товаризация же домашних промыслов получала распространение лишь в связи с постепенным разрушением традиционного уклада номадов. При этом наиболее ориентированные на рынок отрасли домашних промыслов на раннем этапе (до XVIII в. или в начале столетия) были в руках мужчин. Затем, ввиду усиления конкуренции в производстве, прежде всего металлических изделий со стороны русского производителя, все большее значение приобретают ранее менее значимые в товарном обмене отрасли: производство шерстяных, войлочных изделий и молочных продуктов. Это вело к известному росту значения женского труда в хозяйстве ногайцев Северо-Западного Прикаспия. Роль же мужчины-добытчика пропорционально падала. Обращает на себя внимание, что недостаточность товарности домашних промыслов даже на этом этапе вела к росту значения у ногайцев отхожих промыслов, которые всегда были связаны с продолжительным отсутствием главы семьи. Таким образом, неизбежные после включения в состав Российской империи расслоение ногайского общества и товаризация домашних промыслов на микросоциальном уровне создавали предпосылки для постепенного ослабления такого элемента традиционной структуры ногайского общества, как патриархальная семья.

Пятый параграф - "Торговля". Здесь рассматривается содержание ногайской торговли на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XVIII в. Дается характеристика основных ее центров. Таковыми являлись русские города - Астрахань, Терский город, Святой Крест, затем Кизляр. Здесь ногайцы продавали продукты животноводческого хозяйства: кожу, овчины,

шерсть, сушеное мясо, топленое масло, сало, кислое молоко, кумыс, шерстяные и кожаные ремни. В свою очередь ногайцы приобретали предметы обихода, которые сами не производили или производили в недостаточном количестве.

Проезд ногайцев по торговым делам, как правило, строго контролировался царскими властями. Для проезда выдавались соответствующие "билеты". Контроль за торговыми операциями ногайцев осуществлялся властями в фискальных целях. Поскольку же сама торговля носила частоменовой характер, то естественным было взимание налога с приезжих купцов частью товара.

В меновой торговле, ногайцы, хозяйство которых носило, в основном, натуральный характер, были весьма заинтересованы. Они пригоняли на рынки северокавказских городов крупный и мелкий рогатый скот, табуны лошадей. Лошади были особенно ценным в то время товаром. Ногайских скакунов охотно покупали как местные кавказские владетели, так и русское командование, нуждавшееся в гужевых и драгунских лошадях.

Обращает на себя внимание перемещение ногайских обществ вслед за новыми русскими городскими центрами. Последнее означало наличие экономической заинтересованности ногайцев Северо-Западного Прикаспия в укреплении влияния России в регионе. В свою очередь, данная заинтересованность позволяет объяснить в целом мирный характер перехода прикаспийских ногайцев в русское подданство.

Шестой параграф - "Рабовладение и работорговля". В параграфе отмечается, что ногайцы издавна занимались работорговлей. У самих ногайцев рабовладение носило выражено патриархальный характер. Рабы - "куллар" жили в доме хозяина, который непосредственно руководил всеми действиями своего работника. Эксплуатация рабского труда происходила, в основном, при господстве натурального хозяйства. Главной обязанностью ногайских рабов было обеспечение функционирования животноводческого хозяйства господина, а также (гораздо реже) земледельческие работы. Основными источниками пополнения рабов было пленение людей другой этнической и конфессиональной принадлежности, хотя мусульмане также попадали в ногайское рабство. Другим источником пополнения рабов, менее регулярным, являлся обычай патриархальной семьи продавать своих членов или пленение внутри самих обществ, периодически вступающих в конфликт друг с другом.

С сооружением Кавказской Линии и усилением российского влияния работорговля довольно быстро сходила на нет. Ввиду распространения на Северный Кавказ законов Российской империи возможность для беспрепятственного распространения работорговли была существенно сокращена.

Однако противодействие работорговли политике российских властей, направленной на изживание рабовладельческой практики, было достаточно

упорным. Вполне естественно также, стремление рабовладельцев компенсировать потерю рабов-христиан, изъятых российскими властями. Объективно в данной ситуации возрастало значение рабов буддистов (калмыков) и мусульман, включая этнических ногайцев.

В параграфе делается заключение, что возможность сохранения у ногайцев Северо-Западного Прикаспия рабовладения и работорговли была минимальной ввиду необходимости развития более интенсивного хозяйства, для которого требовался труд свободного. С другой стороны, с распространением на Кавказе российского влияния межплеменные и межэтнические конфликты, по крайней мере, до начала Кавказской войны, должны были утихнуть и, соответственно, основные каналы поступления рабов резко сократиться. Следовательно, распространение российского влияния в регионе было объективно прогрессивно ввиду соответствия антирабовладельческой тенденции в политике России на Кавказе задачам дальнейшего развития ногайского общества по пути изживания экстенсивного принципа ведения хозяйства.

В конце второй главы делаются выводы. Отмечается, что у ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. господствовало многоотраслевое кочевое скотоводство. Ведение подобного хозяйства оказывало сдерживающее влияние на социальное развитие ногайского общества. Переход от кочевого или даже полукочевого скотоводства к иным формам ведения хозяйства повлек бы за собой изменения в социальной организации общества. В данной исторической ситуации Северо-Западного Прикаспия и шире всего Северо-Восточного Кавказа в середине XVIII в., когда каждый этнос определился в своей "экологической нише", подобные сдвиги были чреватые негативными последствиями, например вооруженными столкновениями. Единственным путем перемен в хозяйстве и обществе ногайцев Северо-Западного Прикаспия была лишь очень постепенная трансформация всех общественных структур. Такой постепенной трансформации всемерно содействовала политика России. Следовательно, можно говорить о важности и позитивности Российского влияния на экономическую жизнь ногайцев Северо-Западного Прикаспия.

"Заключение". В заключении подводятся итоги исследования, делаются общие выводы. Отмечается, что ногайская этносоциальная общность прошла в своем развитии долгий и содержательный исторический путь. С одной стороны, мы имеем возможность наблюдать достижение некоего гомеостатического состояния, определяющего отношения этнос - природная среда, а с другой стороны - шло приспособление ногайских общностей к меняющейся этнополитической обстановке в Северо-Западном Прикаспии и, если брать шире, на Северном Кавказе в целом. Активное продвижение России в регион создавало новые геополитические условия существования

для ногайцев, которые объективно должны были теперь корректировать свои традиционные отношения с природной средой, то есть со степью.

Таким образом, кроме природно-географического фактора на историческом развитии ногайцев сказался и этно-политический, выразившийся, в первую очередь, во взаимоотношениях с соседями. Можно утверждать, что это взаимодействие вело к возникновению новых образований на основе ногайско-кумыкского, ногайско-калмыцкого, или ногайско-русского социально-политического симбиоза. Одним из проявлений указанного симбиоза было делегирование отдельными ногайскими общностями некоторых представительских и управленческих функций социально-политической элите полиэтничных образований, какими являлись, например, Тарковское шамхальство, Российская империя и даже Калмыцкое ханство. Для нас несомненно, что в данном случае не следует говорить о подчинении ногайцев кумыкам, русским или калмыкам, так как в феодальном обществе господствует не этнос над этносом, а сословие над сословием.

В связи с этим, понятным становится несколько архаичский характер макросоциального уровня ногайского общества указанного периода. Данная ситуация объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, феодальным характером отношений в регионе Северо-Западного Прикаспия, в Российской империи, в целом, а во-вторых, соединением этнических и социальных характеристик ногайских общностей.

Экономическое положение ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. является полным отражением традиционных средневековых форм социально-политической жизни. Основной чертой этого хозяйства является его преимущественно натуральный характер. Однако позитивную роль здесь сыграло постепенное усиление тенденций к товаризации традиционных хозяйственных занятий ногайцев и освоение ими новых видов трудовой деятельности. Историческое развитие ногайцев Северо-Западного Прикаспия представляет собой не только процесс изменений в их социально-политической и социально-экономической жизни, но также процесс консервации. Многие общественные и хозяйственные явления, которые у других народов подверглись с течением времени радикальной трансформации, у ногайцев сохранялись еще в первой половине XVIII и даже позже. Имевшие же место социальные сдвиги были обусловлены давлением внешних обстоятельств. Главным из этих внешних обстоятельств было продвижение и закрепление на Кавказе России. Сам факт прекращения междоусобных войн, прекращения набегов на оседлую периферию вел к усилению роли товарного хозяйства и к сопутствующим сдвигам в социальной и политической сферах. Сдвигам, содержанием которых было также снижение социальной значимости феодального сословия этнополитических образований, в состав которых входили ногайцы. Взятые в более широком контексте данные социально-политические изменения оз-

начали модификацию общественных приспособительных механизмов nomadic общества. Плодотворность этих изменений, на первый взгляд, не бесспорна, если учитывать важность гомеостатического равновесия со средой обитания, что требовало сохранения традиционных форм хозяйствования. Но поскольку наметившаяся товаризация происходила не за счет разрушения традиционного хозяйства ногайцев, а путем постепенного изменения его характера с натурального на рыночный, российское присутствие в конечном итоге сыграло позитивную роль в истории ногайцев Северо-Западного Прикаспия.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- Зинеева З.З. Персидский поход Петра 1 и его влияние на судьбы ногайцев Северо-Западного Прикаспия // Историческое регионоведение – вузу и школе: Тез. докл. Армавир, 1995. – 0,1 п.л.
- Зинеева З.З. Восточная политика России и ногайцы Северо-Западного Прикаспия // Вопросы Северокавказской истории. Армавир, 1996. Вып.1. – 0,3 п.л.
- Зинеева З.З. Ногайцы. // На терских берегах. Армавир, 1997. (соавт. В.Б.Виноградов, Н.Н.Великая, Е.И.Нарожный). — 0,4 п.л.
- Зинеева З.З. Хозяйственные занятия ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. // Историческое регионоведение – вузу и школе: Тез. докл. Славянск-на-Кубани, 1997. — 0,1 п.л.
- Зинеева З.З. Из истории расселения ногайцев на Северном Кавказе и прилегающих территориях // Кубань в истории России: Тез. докл. Археология и краеведение Кубани. Краснодар. 1997. Ч. 1. — 0,1 п.л.
- Зинеева З.З. Развитие торговли у ногайцев Северо-Западного Прикаспия в связи с распространением русского влияния в регионе в первой половине XVIII в. // Проблемы всеобщей истории. Армавир, 2000. Вып.6. — 0,2 п.л.
- Зинеева З.З. Рабовладение и работорговля у ногайцев Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. // II Конгресс молодых ученых Нальчик, 2001. — 0,1 п.л.
- Зинеева З.З. Перспективы изучения ногайцев // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы 7-й региональной научно-практической конференции. Армавир, 2001. Ч.1. (соавт. М.В.Баисова) — 0,1 п.л.